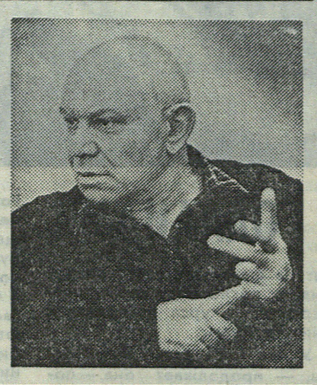
Теодор ШАНИН:

ЖИЗНЬ ХОРОША МНОГООБРАЗИЕМ

Аграрная реформа в Китае и СССР глазами английского ученого



Наш читатель уже знаком с Теодором Шаниным, профессором Манчестерского университета, социологом и одним из крупнейших в мире исследователей теорий А. В. Чаянова. После публикации беседы с ним («Известия» № 57) мы получили много откликов.

Взгляды английского ученого на перестройку сельской экономики в нашей стране в чем-то, наверное, спорны, но очень интересны и важны для нас. В эти дни он снова в Москве. После поездки в Китай. Такой маршрут и определил тему нашего разговора.

— Теодор, вы хорошо знаете историю и сегодняшний день аграрных проблем в СССР. Интересно было бы сопоставление с вашими китайскими впечатлениями.

— Такой вопрос я постоянно слышал и в Китае. Можно бы удивляться, что меня, англичанина, расспрашивали там больше о СССР, чем об Англии. Но, во-первых, мои собеседники знали, что я много бываю у вас, изучаю историю и проблемы советского села. А во-вторых, ваш взаимный интерес вполне объясним. Обе страны социалистической ориентации встали на путь кардинальных реформ, причем их решающий объект — аграрный сектор. Сравнение тут — лучший ориентир. Китайцы меня спрашивали так: где идет дело лучше — у нас или в СССР? Я ответил им честно, как думаю, и так же говорю вам: однозначно сказать нельзя. Мое мнение: экономически реформа развивается лучше в Китае, политически — в СССР.

Как и в первой нашей беседе, сразу оговорюсь, что это личное, субъективное мнение, которого я никому не навязываю. И распространяю эту оговорку на весь последующий разговор.

Вот что я имею в виду. Дело не только в том, что перестройка сельской экономики в Китае началась раньше, чем у вас. Она там — решительнее и последовательнее. Именно поэтому — и результативнее. Для вас сегодня вопрос вопросов: когда же будет отдача? Ибо прошло четыре года перестройки, а продуктов нет. В Китае обновленное село сразу же обеспечило бурный рост продовольствия. Там сразу (а не постепенно, не поэтапно) землю передали хозяевам, крестьянам, к тому же там осталось достаточно крестьян, чтобы эту землю взять. Но, на мой взгляд, по сравнению с вами там медленнее идут процессы демократизации, гласности. А это очень взаимосвязано с экономикой.

— Статистика, характеризующая динамику производства продуктов питания в Китае, в последнее время часто приводится и у нас. Но она не только впечатляет, а многих настораживает. Расхожим стало мнение: семейное хозяйство дает поначалу бурный рост производства, но потом быстро исчерпывает свои возможности. Часто называют такие цифры. За первые шесть лет реформы ежегодные сборы зерна в Китае увеличились на треть — с 300 до 400 миллионов тонн, или до 400 килограммов на душу населения. Но последние четыре года роста нет. Начался даже импорт зерна. Авторы таких публикаций, причем побывавшие в Китае лично, делают вывод: резервы крестьянского двора исчерпаны, и вообще этот — фермерский — путь неизбежно ведет в тупик, сдерживает модернизацию сельскохозяйственного производства. Таким образом, ставятся под сомнение и преобразования, начатые в нашем сельском хозяйстве.

— Когда так говорят люди, хорошо знакомые с положением дел в китайской экономике, это, я убежден, не просто ошибочное мнение. Это — атака на вашу реформу, попытка скомпрометировать ее. Если не так, то почему приводят цифры по зерну и умалчивают о том, что продолжает расти производство других сельскохозяйственных продуктов? Только потому, что полная статистика опровергает тезис о тупиковом пути такой реформы. Общий подъем и перспективы китайского сельского хозяйства для меня, по крайней мере, несомненны. Временные диспропорции, снижение роста в отдельных отраслях — это не сигнал о прекращении движения, а ориентир для его корректировки. Специалисту, располагающему достаточными данными, это должно быть вполне понятно.

Что такое, скажем, торможение в производстве зерна в Китае? По моим расчетам, это ни в коем случае не означает предела возможностей нынешней организации труда крестьян. Рост ограничивают слишком низкие цены на пшеницу и рис. Сдерживая дальнейшее производство зерна, китайский крестьянин дает прикладную лекцию по экономике своему правительству. Это нормально.

Скажу больше. Сегодняшние цены на зерно не только не стимулируют дальнейшего роста производства, но объективно толкают крестьянина на его свертывание, уменьшение. Меня даже удивило поначалу, что этого не происходит. Я специально интересовался: почему?

— И что же вы выяснили?

— Действует социальный фактор. Можно назвать его гражданским. Правительство объявляет, что зерно нужно стране, что это — политическая задача. Именно поэтому сельские комитеты удерживают достигнутый уровень производства, зачастую в ущерб своей выгоде.

— Политический призыв действует на самостоятельного хозяина сильнее экономического стимула?

— Простите, я понимаю, что это удивляет вас. Система призывов, внеэкономических кампаний в сочетании с административно-командной системой здорово себя скомпрометировала в сознании советского человека. Но, поверьте, только в таком сочетании она кажется абсурдной, неработающей. Неразумно впадать в крайности. Многие у вас сегодня считают: или административно-командное управление, или рынок — третьего не дано. А ведь есть еще третий фактор, третий стимул — социальный, гражданский. Другое дело, что он более сочетаем с экономической, рыночной системой хозяйствования. И это вполне понятно. Когда человек становится самостоятельным хозяином и, что очень важно, материально состоятельным, он более способен на альтруизм, более восприимчив к высоким призывам — патриотическим, гражданским, общественным.

Знаете, сколько средств собрали в Англии в помощь Армении за два дня? Три миллиона фунтов! Это очень много. И ведь никто никого, естественно, не заставлял, никакой выгоды с этого не было. Многие мои знакомые, которые вместе со мной вкладывали деньги в помощь пострадавшим от землетрясения, даже не могли бы найти на карте Армению. Но они знали: там беда, нужно помочь. Впрочем, это пример исключительный, приведу другой.

Я вхожу в добровольную общественную организацию, которая является крупнейшим собственником земли в Англии. По-русски ее можно примерно назвать как национальное сообщество. Сотни тысяч людей вкладывают деньги, чтобы выкупить наиболее красивые земли Англии, оградить их от строительства, от уничтожения. Можно сказать, сейчас в наших руках почти все примечательные уголки страны. Мне лично это невыгодно, но я хочу, чтобы Англия была красивой. Экономического стимула нет, есть — гражданский. Еще раз повторяю, это более возможно, когда человек чувствует себя хозяином, когда он материально обеспечен.

— В Китае вы увидели движение к этому?

— Да. И, признаюсь, многое тут для меня оказалось неожиданным. Я ведь изучал историю Китая, читал много работ о сегодняшней ситуации в стране. Но был просто поражен, как неверны оказались мои представления, какую искаженную картину представили мне наши специалисты. Судя по всему, и у вас далеко не все правильно оценивают положение в китайском селе.

— Что же вас конкретно удивило?

— Я считал, что сельское хозяйство Китая сегодня — это масса индивидуальных фермеров, экономически изолированных. Оказалось, что основная ячейка аграрного сектора здесь — крепкое село, со своим самоуправлением — комитетами сельских жителей, со своим бюджетом. Подвижна его внутренняя структура. В одном из сел, где я был, за десять лет доля жителей, занятых сельскохозяйственным производством, сократилась с 70 до 7 процентов. Но жители не покинули села, они лишь сменили сферу деятельности. Многие стали рабочими местных сельских заводов, которые так же, как и крестьянские хозяйства, пополняют общий бюджет. Эти процессы чрезвычайно интересны и благотворны. Село, его жители сами решают, что им выгоднее, кому и где сподручнее работать, открывают новые предприятия, которые подчинены не государству, а сельским комитетам. Местные трудовые резервы перераспределяются естественным путем, а значит — рационально. Это, с одной стороны, разряжает переизбыток крестьянских рук на ограниченных земельных участках, с другой — позволяет страховать экономическое положение села в случае, скажем, неурожая доходами от других отраслей.

Результаты впечатляют. Растет социально-бытовой уровень сельской жизни. Доходы семей в том же селе увеличились за десять лет в шесть раз, а с учетом инфляции — в три раза!

Развитие семейных фермерских хозяйств, разнообразных форм кооперации в сочетании с укреплением сел, созданием местной промышленности, сильной сферы обслуживания — это достаточно своеобразный и перспективный вариант. Думаю, вам стоило бы к нему присмотреться.

— Сельские предприятия заняты переработкой сельскохозяйственной продукции?

— Вовсе необязательно. Они выпускают и товары широкого потребления, бытовую технику, специализируются на различных операциях легкой промышленности. Главный ориентир — конъюнктура рынка. Не случайно самые высокооплачиваемые работники таких предприятий — это те, кто занимается сбором заказов.

— Не становятся ли эти предприятия филиалами, цехами крупных городских заводов и фабрик?

— Нет, они в большинстве случаев самостоятельны, подчиняются только своему селу. Другое дело, что городские гиганты также заинтересованы в создании сети таких сельских предприятий, с которыми устанавливают партнерские связи, размещают у них некоторые заказы. Ведь возможности расширения производства в городах ограничены запретом на прописку новых работников. Так вот, вместо того чтобы ввозить «лимитчиков», крупные предприятия стимулируют создание мелких, выгодных партнеров на местах, организуют даже учебу кадров для них, помогают освоить оборудование, технологию. Выгода взаимная.

— Не вытеснят ли таким образом и вовсе крестьянина из села?

— Фермерство остается весьма прибыльным делом в деревне. Речь идет лишь об оптимизации экономической и социальной структуры села, его укреплении, а не уничтожении.

— Это соответствует вашей модели развития сельской экономики и теориям Чаянова?

— Китайский вариант оказался ближе, чем я думал, к модели, которая представляется мне оптимальной. Однако есть и серьезные различия. Достаточно сильным остается влияние партийно - административного аппарата на принципиальные вопросы развития сельского хозяйства. Сохраняются волевые методы решения проблем в противовес естественному процессу. Руководство, на мой взгляд, недостаточно прислушивается, с одной стороны, к мнению и рекомендациям науки, хотя в Китае есть очень серьезные и интересные ученые. И с другой — к требованиям, которые рождает практика. Пример — с теми же ценами на пшеницу и рис.

Есть в Китае и специфические трудности, которые осложняют дело. Это, например, слабость сельскохозяйственной индустрии, обусловленная энергетической проблемой. Серьезный фактор — перенаселение. Об этом знают все. Но надо увидеть страну собственными глазами, чтобы почувствовать, что это такое. Везде очень много людей. Мне показалось даже, что невозможно сфотографировать какой-то красивый пейзаж, чтобы в кадре не оказалось несколько человек.

Что же касается Чаянова... Не только китайский опыт, но вся мировая практика подтвердила важность его научного предвидения. И главное тут, я не устаю это повторять, не конкретные модели и рецепты, а отношение к развитию сельской экономики, как к комбинации разнообразных форм, к многовариантности. Ведь можно погубить любую реформу, если свести ее к какой-то одной универсальной программе, единой для всех. Особенно это актуально для таких крупных стран, как Китай и СССР. В разных регионах своя специфика, а значит, и более приемлема та или иная модель.

Кстати, предостерегая от того, чтобы делать из Чаянова икону, я призываю внимательнее изучать труды его выдающихся коллег - соратников. К примеру, один из них, Челинцев, очень интересно разрабатывал как раз вопросы региональной многовариантности.

— У нас в последнее время много разговоров о региональном хозрасчете. Тут, видимо, и открываются возможности использования различных моделей развития с учетом местной специфики. Но для этого нужно, чтобы было из чего выбирать, то есть знать как можно больше вариантов, использовать опыт разных стран. Расширение контактов, обменов приобретает при этом для нас практический смысл.

— Безусловно. Важно только, на мой взгляд, кто едет за опытом и что способен увидеть. Насколько я знаю, у вас в последнее время внимательные присматриваются к практике американских фермеров. Но выводы, по-моему, не всегда делаются верные. С одной стороны, пугают кризисом фермерства, который вашим фермерам пока ничуть не грозит: ведь это кризис перепроизводства продуктов. С другой стороны, не замечаются действительно серьезные последствия американского варианта, прежде всего — экологические, они связаны со слабостью села в США как самостоятельной, самоуправляемой структуры. Все это необходимо учитывать. Зачем повторять чужие ошибки. Чрезвычайно плодотворным, по-моему, был бы для вас и Китая взаимный обмен опытом. Впрочем, много полезного и в других странах.

— Еще одно распространенное опасение. При существующей у нас структуре экономики, особенно в промышленности, где сильны монопольные принципы, не приведет ли предоставление самостоятельности коллективам, ослабление государственного контроля к буйному росту цен, диспропорциям? Не так ли получилось в Китае, когда цены на промышленную продукцию ограничили возможности крестьянина?

— Я считаю, что движения цен бояться не нужно. Это процессы, которые при неизбежных временных зигзагах входят в оптимальное русло. Если, конечно, все делается в комплексе, а не поочередно — по отдельным отраслям. И если самостоятельность производителей, в том числе и в выборе партнеров, поставщиков, включая зарубежных, искусственно не ограничивается. Конкурентность — лучший способ борьбы с монополизацией. И портит картину как раз вмешательство в эти процессы, а вовсе не бесконтрольность.

Другое дело, что с ценами при их движении можно и нужно работать. И политика правительства тут может быть умной. Это важно особенно в ходе крупных реформ, установления новой системы экономических связей, моделей развития. Именно в этот момент возрастет роль науки. Я уже говорил об этом применительно к китайской ситуации. Считаю, что у вас сегодня во многом решающее значение для перспективы перестройки приобретает роль личности крупных ученых, таких, скажем, как в моей дисциплине академик Т. И. Заславская, и ряд других.

А внимание к слову, мнению ученого сегодня у вас ощутимо. Между прочим, почувствовал это и на себе. В этот раз я появился в Москве впервые после февральской публикации нашей беседы в «Известиях». И был встречен просто шквалом приглашений, просьб об интервью, выступлениях, беседах. Честно сказать, такой всплеск популярности даже осложнил мои чисто научные, профессиональные планы. Дело, конечно, не во мне лично. Это — интерес к другой точке зрения, потребность в сравнении, сопоставлении. Что ж, вполне понятное дело. Жизнь тем и хороша, что многообразна, представляет широкие возможности выбора. Желаю вам в этом успеха!

Беседу вел
В. КОНОВАЛОВ.

Фото А. СТЕШАНОВА.

Завод работает на отходах

Это новое совместное предприятие, организованное финской фирмой «Мется-Серла» и Таллиннским целлюлозно-бумажным комбинатом, несомненно, в какой-то мере поможет бороться с дефицитом, в существовании которого гости из развитых и не очень развитых стран просто отказываются верить, объясняя его в гостиницах, аэропортах, вагонах поездов просто чьей-то нерадивостью.

Итак новый завод санитарно-гигиенической бумаги построят в столице Эстонии. Сырьем для него станет в основном макулатура. Мощность — 40 тысяч тонн бумаги в год.

— Финская сторона будет отвечать за соблюдение технологии производства, а также за сбыт продукции на рынках западных стран, — сообщил директор-распорядитель «Мется-Серла» Э. Соммар. — Площадь завода составит 20 тысяч квадратных метров. Это современное предприятие. Ему потребуется, например, в 10 раз меньше воды, чем существующему целлюлозно-бумажному комбинату.

Вопрос — а нельзя ли всю продукцию, особенно толстую бумагу, оставить у нас? — был бы нелишним, но совместные предприятия должны иметь полную валютную самоокупаемость, чтобы постоянно обновлять оборудование, поддерживать высокое качество.

Партнеры у таллиннцев многоопытные: «Мется-Серла», получив в свое владение шведскую фирму «Холмен хюгиене», станет крупнейшим в северных странах изготовителем санитарно-гигиенической бумаги.

— Возможно ли создание подобных совместных предприятий в других городах СССР?

— В каждом конкретном случае мы готовы вести переговоры, — ответил Э. Соммар. — Главное условие — не только удовлетворение внутреннего спроса, но и возможность выхода на внешние рынки.

От подписания учредительных документов совместного предприятия (оно называется «Эст-Серла») до пуска завода пройдет немногим более 2 лет. Для строительства нового предприятия это немного. Для раздраженного потребителя — опять обещания, хотя и реальные, подкрепленные твердыми обязательствами партнеров.

В. ШМЫГАНОВСКИЙ,
соб. корр. «Известий».
ХЕЛЬСИНКИ.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ?

Ответ на этот вопрос, наверное, не поставит в затруднение руководителей тех учреждений, которые входят в систему Академии наук СССР и решили создать совместные предприятия с зарубежными партнерами. «Легко», — ответят руководители и в подтверждение покажут подписанный 21 марта 1989 года главным ученым секретарем президиума АН СССР И. Макаровым «Порядок подготовки и рассмотрения предложений о создании совместных предприятий организациями АН СССР с организациями капиталистических, развивающихся и социалистических стран».

«При разработке учреждениями и организациями Академии наук СССР, — говорится в документе, — и ее региональными отделениями предложений о создании совместных предприятий с организациями капиталистических, развивающихся и социалистических стран (далее предложения), а также рассмотрении таких предложений, полученных от зарубежных партнеров, необходимо:

1. Согласовать указанные предложения с Главным управлением внешних связей АН СССР.

2. По итогам рассмотрения предложений получить разрешение главного ученого секретаря президиума АН СССР (либо в его отсутствие лица его замещающего) на проведение переговоров с зарубежным партнером с целью подготовки протокола о намерениях.

О месте и времени проводимых переговоров информировать ГУВС АН СССР.

3. При наличии в подготовленном по результатам переговоров с инопартнером проекте протокола о намерениях новых положений принципиального характера согласовать их с подразделениями президиума АН СССР, указанными в п. 1, и юридическим отделом АН СССР.

4. После подписания протокола о намерениях институт совместно с соответствующим отделением готовит проекты учредительных документов и согласовывает их с подразделениями президиума, указанными в п. 3.

5. По подготовленному варианту учредительных документов институт совместно с соответствующим отделением готовит проект распоряжения президиума АН СССР по данному вопросу, которым назначается полномочный представитель АН СССР для подписания учредительных документов с инопартнером.

6. После выхода указанного распоряжения и подписания полномочным представителем учредительных документов институт совместно с соответствующим отделением подготавливает обращение в Министерство финансов СССР с просьбой о регистрации совместного предприятия, которое подписывается президентом АН СССР и главным ученым секретарем президиума АН СССР».

Как видно из почти полностью процитированной инструкции, быть самостоятельным любому предприятию АН СССР очень легко, потому что быть им просто невозможно, так как все его действия вопреки установленному постановлениями Совета Министров СССР порядку зарегламентированы донельзя тов. Макаровым. Начиная от получения разрешения на переговоры и кончая письмом в Минфин СССР, подписывать которое почему-то должен лично президент АН СССР.

Понять стремление президиума АН СССР помочь своим институтам можно. Но возникает вопрос — почему в этом случае едва ли не каждый пункт этой инструкции не согласовывается с постановлениями Совета Министров СССР, в которых ясно и четко говорится: да, существует разрешительный порядок создания совместных предприятий на территории СССР, но разрешение дает вышестоящая организация, и если речь идет, скажем, об институте Сибирского отделения АН СССР, то такой организацией является президиум отделения. Да, вопросы согласования и создания учредительных документов важны и сложны, но подписывают эти документы непосредственно руководители предприятий, а не «полномочные представители» вышестоящих органов. Да, протокол о намерениях — дело полезное, но вовсе не обязательное, ибо юридической силы он не имеет, и уже тем паче не требует согласования с тем же президиумом Академии наук или его подразделениями. И, наконец, ничего не сказано в нормативных актах о такой странной процедуре, как необходимость информирования вышестоящих органов «о месте и времени переговоров».

Словом, сколько написано и сказано о юридической самодеятельности, а она живет себе и живет. Обидно, что еще одним местом своей прописки она избрала президиум Академии наук, где в правоведах дефицита нет.

Г. НИ-ЛИ.

Она помогала Красной Армии

Австралийцы отмечают 100-летие со дня рождения основателя общества дружбы «Австралия—СССР» Джесси СТРИТ

В глазах австралийского правящего класса она выглядела отступницей, предавшей свое «благородное» происхождение и переметнувшейся к «красным». Истеблишмент отторгал ее и в то же время заигрывал: ей сулили место в парламенте, если только она отвернется от своих друзей и откажется от убеждений. Не вышло...

Имя Джесси Стрит, 100-летие со дня рождения которой широко отмечается прогрессивной общественностью Австралии, овеяно легендой. За свою долгую жизнь она снискала симпатии всех, кто когда-либо и в чем-либо подвергался дискриминации. «Она была из породы правдоискательниц, поскольку отвергала любую несправедливость», — рассказывала мне одна из старейших профсоюзных активисток К. Эллиотт.

Родившись в Индии в семье чиновника колониальной администрации, Джесси Стрит не была белоручкой. В ее увлекательной биографии присутствует такой эпизод. Когда разразилась первая мировая война, она застала ее семью в Англии, и Джесси Стрит сразу же оказывается там, где больше всего нуждаются в милосердии. Это показалось ей недостаточно. Она идет на курсы и овладевает профессией водителя машин «скорой помощи». Ей отказывают на том «основании», что она женщина, но вскоре власти сами начинают призывать англичанок сесть за руль... В 1929 году в австралийском штате Новый Южный Уэльс Дж. Стрит становится одной из основательниц Объединенных ассоциаций женщин, выступающих за равные права.

Важнейший пласт ее жизни связан с деятельностью организации «Друзья Советского Союза». Она вступает в члены Общества за культурные связи с СССР в 1938 году, когда в Европе нацисты осуществляют аншлюс Австрии, захватывают Чехословакию. После подписания пакта о ненападении между Германией и СССР в 1939 году и особенно после поворота германской военной машины против тех, кто пытался ее «умиротворить», на общество, равно как и на прогрессивные профсоюзы и организации Австралии, обрушились гонения.

Настроения общественности изменились после вероломного нападения на Советский Союз: уже 26 июня образовалась инициативная группа, которая 3 июля сформировала комитет по оказанию медицинской помощи. Джесси Стрит была избрана его председателем. Именно ей принадлежит идея собранные путем пожертвований деньги использовать для покупки и отправки на фронт советским бойцам австралийских дублёнок. С июля 1941 по февраль 1946 года вместе с медикаментами и одеждой комитет Дж. Стрит отправил в СССР 500 тысяч овчинных тулупов. Когда образовалось общество дружбы «Австралия — СССР», Дж. Стрит совершенно естественно стала во главе.

В. МИХЕЕВ,
соб. корр. «Известий».
СИДНЕЙ.

Фоторепортаж с пристрастием

ЖДИТЕ ОТВЕТА...

Посмотрим на первый снимок. Только что подписаны учредительные документы: технико-экономическое обоснование создания и деятельности, устав совместного советско-американского предприятия. Президент фирмы АПКО Марджори Краус (в центре) улыбается, советские участники переговоров жмут друг другу руки. Так в последних числах января 1989 года было провозглашено создание совместного предприятия «Мост».

Вот краткая программа его деятельности.

Укрепить и расширить советско-американские деловые контакты, повысить эффективность советских внешнеэкономических связей, облегчить доступ американского капитала на советский рынок и советского — на американский, заложить основы консультационно - информационного обслуживания в области внешнеэкономической деятельности на территории СССР. Обеспечить партнеров по советско-американским деловым контактам точной и своевременной информацией о текущей конъюнктуре рынков, подробными аналитическими обзорами о состоянии производства и потребления конкретных товаров и услуг, прогнозами конъюнктуры советского и зарубежных рынков по товарным группам, правовым и экономическим условиям хозяйственной деятельности, динамике цен. По желанию заказчиков проводить коммерческую экспертизу товаров и услуг с оценкой их технического уровня, качества и патентоспособности.

Впечатляющая программа, что и говорить. Три учредителя совместного предприятия — уже упомянутая американская фирма АПКО, объединение «Информ-ВЭС» Министерства внешних экономических связей и консультационно - информационный центр ИНФЭКС — каждый в отдельности обладают необходимым опытом подобной работы. Оценив свои потенциальные возможности, партнеры решили объединить силы. Прикинули, как принято у деловых людей, расходы и доходы. Получилось: уже в первый год существования новая смешанная фирма под названием «Мост» реализует услуг и консультаций больше чем на миллион рублей, причем половину этой суммы в инвалюте. Ее принесут американские компании, желающие сотрудничать с СССР.

Вот что сказала Марджори Краус:

— Советско-американское экономическое сотрудничество развивается медленнее, чем хотят этого обе стороны. Причин несколько, в том числе и слабое знание советского рынка в Америке. Уже сейчас по заказам наших клиентов — а среди них такие гиганты, как «Боинг» и «Дженерал моторс», — мы прорабатываем конкретные направления сотрудничества. Думаю, «Мост» помог бы в ближайшее время осуществить несколько проектов: в агропромышленном комплексе, в индустрии туризма, в контроле окружающей среды, в строительстве... Но наш «Мост», как и всякий другой, предполагает двухстороннее движение. И оно сегодня застопорилось с советской стороны. Между тем подписанные нами бумаги уже прошли множество инстанций. Рассматривали их и в Министерстве внешних экономических связей. На уровне начальников главков, насколько мне известно, возражений не было, однако ответа — ни положительного, ни отрицательного — пока что нет. И это тем более странно, что один из участников предприятия является самостоятельным, хозрасчетным, но предприятием МВЭС...

Недоумение М. Краус станет более понятно, если добавить, что продукция, о которой идет речь в договоре о создании совместного предприятия, в перечень деятельности, подлежащей лицензированию, не входит, следовательно, приказ по министерству, касающийся его же собственного предприятия, не должен был бы отнимать столько времени: два месяца на исполнение достаточно формального жеста, согласитесь, — многовато и по нашим не слишком быстрым меркам.

С. ДВИГАНЦЕВ.

На снимках: генеральный директор объединения «Информ-ВЭС» А. Ногтиков, президент АПКО М. Краус и председатель ИНФЭКС В. Гусинский после подписания документов; заведующий сектором СССР и Восточной Европы АПКО Р. Брегман — вынужденный простой в Москве...

Фото В. СВАРЦЕВИЧА.